

Головина Светлана Дмитриевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция.

Магистерская программа: Гражданское право, Семейное право, Международное частное право

Принятие наследства и отказ от него: правовые позиции и некоторые проблемы правоприменительной практики

Аннотация. В данной статье проводится анализ положений законодательства о наследовании, регулирующих элементы механизма приема наследства и отказа от наследственного имущества. С учетом правоприменительной практики автор формулирует свои позиции по отдельным спорным и противоречивым моментам правового режима перераспределения имущества в порядке наследования.

Ключевые слова: наследство, завещание, отказ, наследственная трансмиссия, сделка.

Наследование как общественное отношение является весьма многогранным, поскольку опирается на социальные, экономические, моральные и этические аспекты. Законодательство о наследовании, насколько возможно, пытается воспринимать в своих нормах обозначенные факторы. Однако реальная жизнь намного богаче «сухой» формальной логики закона. Это имманентно задает необходимые ориентиры для нормотворчества, учитывающего нередко возникающие практические правоприменительные проблемы в наследственно-правовой действительности, что делает актуальным вопросы принятия наследства и отказа от него.

В данной статье автором поставлена цель поднять ряд спорных и противоречивых вопросов, касающихся процедуры принятия наследства, а

также отказа от наследства и последствий таких действий со стороны наследников.

Следует начать с сущности отношений, определяющих принятие наследства.

Принятие наследства – это акт индивидуальный, т.е. каждый наследник должен действовать в своих интересах. Соответственно, если наследников несколько, то принятие наследства одним из них не дает оснований делать какие-либо выводы относительно намерений остальных [5].

Акт принятия наследства прекращает неопределенность статуса наследственного имущества («лежачего наследства»), которая состоит в отсутствии субъекта права собственности при наличии владельцев и пользователей.

В свою очередь, право на принятие наследства является субъективным гражданским правом, содержание которого сводится к закрепленной за наследником альтернативной возможности принять наследство или отказаться от него [4].

Наследственное право знает несколько различных оснований наследования: например, по закону или завещанию. Как известно, наследнику, призванному к наследованию одновременно по нескольким основаниям, предоставляется возможность принять наследство, осуществив выбор основания наследования. В этом заключается суть возможности наследнику распорядиться конкретными правами, находящимися в плоскости наследственных правомочий.

Распоряжение своими правами является как раз одной из характерных черт, присущих режиму гражданско-правового регулирования, обеспеченного диспозитивными началами нормативных установлений.

В науке не сложилось однозначное представление о юридической природе наследования и полномочиях (правах) наследника, вытекающих из наследственного правоотношения. Как известно, права наследников возникают вопреки их воле, но в их интересе. Однако с правом наследников уже не

корреспондирует чья-либо обязанность, поскольку обязанный субъект (наследодатель) уже перестал существовать. Одновременно возникает абсолютное правоотношение, направленное на защиту имущественных интересов наследника, связанных с обязанностью неопределенного круга лиц воздерживаться от совершения действий, препятствующих наследнику вступить в наследственные права либо отказа от наследства. Как отмечает Р.М. Мусаев, «никакой обязанности праву на принятие наследства не противостоит, поскольку ситуация, когда кто-либо создает помехи для вступления другого лица в права наследника, немыслима» [5].

В целях определения правовой сущности наследования как юридического феномена стоит привести известный обзор имеющихся в юридической литературе мнений ученых, предлагающих свое видение проблематики наследственного правоотношения. Так, С.С. Алексеев связывал право на принятие наследства с особым правообразовательным правомочием, как промежуточную стадию в процессе формирования «образования» субъективного права, т.е. как «незавершенное» субъективное право, право в процессе становления, формирования [3]. Видимо, по этой причине С.С. Алексеев право на принятие наследства не относил к «материальным» гражданским правам. Неслучайно и сегодня в литературе при рассмотрении механизма наследования и призвания к наследству отдельно в нем выделяют стадию формирования субъективного права [3].

Между тем в юридической науке была сформирована диаметрально противоположная позиция. Так, В.И. Серебровский, в отличие от С.С. Алексеева, признавал право на принятие наследства субъективным гражданским правом наследника, которому, однако, не противостоит ничья конкретная обязанность. В то же время В.И. Серебровский не рассматривал субъективное право наследника на принятие наследства в качестве элемента правоотношения, «которому всегда должна соответствовать обязанность другой стороны» [7].

В свою очередь А.Г. Певзнер право наследника на приобретение наследства рассматривал в числе прав, которые позволяют субъектам односторонними действиями создать субъективное право для себя или для другого. При этом автор данное право считал также правом, служащим для предпосылки возникновения правоотношения [5].

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «в момент открытия наследства лицо, назначенное в завещании или указанное в законе, приобретает право наследования». В то же время автор подчеркивал: право наследования есть только право на вступление в юридические отношения, которые в совокупности составляют наследство [4].

По мнению М.С. Абраменкова, с открытием наследства наследник лишь приобретает право на принятие на себя прав и обязанностей, составляющих в совокупности наследство, а не наделяется правами и не обременяется обязанностями сразу после такого открытия [4].

Представляется нужным отметить: любое субъективное право связывается с юридическими возможностями поведения лица. Но между тем правоотношение, которое, как известно, складывается между людьми, всегда предполагает не только возможность собственного поведения управомоченного лица, но и возможность требовать определенного поведения от другого лица. В связи с этим реализация субъективного права возможна лишь в случае соответственного поведения иных субъектов права, определяется их поведенческими актами. Иная ситуация, как отмечается в науке, означала бы декларативность самого права и потерю юридического характера собственных действий.

© Особенность наследственных правоотношений свидетельствует о неполном их субъектом составе. Само наследственное правоотношение возникает с момента смерти наследодателя. В то же время эта бессубъектность не может быть полной, поскольку наследование как отношение особого рода находится в сфере публичных интересов, что призывает к их обеспечению действий соответствующих субъектов, в основном охранительного характера

(принимаются меры по охране имущества, ведется поиск наследников). Специфика данных правоотношений, конечно, не может в полной мере отражать правовую природу наследственных связей, но показывает их различную сущность и разнородный характер. Как справедливо отмечает Н.Ю. Рассказова, исключение права наследования из структуры наследственного правоотношения привело бы к тому, что субъективное право на наследственное имущество возникало бы у наследника помимо его воли, в силу открытия наследства. И, как далее рассуждает автор, чтобы не допустить этого, законодатель и помещает между открытием и приобретением наследства «промежуточное звено» - право на принятие наследства [4].

Доказательством того, что принятие наследства – право, а не проявление гражданской правосубъектности, отечественные ученые называют также следующее: по наследству передается право принять другое наследство (наследственная трансмиссия). Однако О.М. Родионова делает вывод: принятие наследства не может быть отнесено ни к субъективным гражданским правам, ни к правомочиям. По своей правовой природе оно представляет собой реализацию правоспособности лица (наследника) путем совершения сделки, которая возможна при наличии установленных законом юридических фактов (наступления смерти наследодателя, совершенного завещания) [1].

Такая «палитра» мнений обусловлена, как указывалось выше, особым субъектным составом наследственного правоотношения, а также сложностью определения момента его возникновения. А от решения этого вопроса зависит и «статус» правомочий, который получает лицо, имеющее потенциальную возможность вступить в наследство.

Стоит тем не менее согласиться с тем, что само по себе принятие наследства – односторонняя сделка, «посредством которой призванный к правопреемству наследник становится обладателем причитающихся ему прав и обязанностей, составляющих наследственное имущество» .

Что касается принятия наследства, то под ним Н.Ю. Рассказова понимает «односторонние действия лица, призванного к наследованию, выражающие его

волю приобрести наследство, т. е. стать субъектом соответствующих прав и обязанностей в отношении наследственного имущества». Являясь односторонней сделкой, принятие наследства создает юридические последствия без чьего-либо встречного волеизъявления, т.е. наследник не должен согласовывать свои действия с какими-либо иными лицами: другими наследниками, исполнителем завещания, нотариусом и др. В связи с этим следует разделить мнение авторов, полагающих, что принятие наследства представляет собой сделку, совершаемую наследниками.

Сделкой считается и завещание. Если формальный момент завещания однозначно определяет его как сделку, то содержательный элемент завещательных отношений указывает на завещание как оферту в двусторонней сделке (ст. 432 ГК РФ). Однако последнее нельзя смешивать с договором (договором о наследовании), который в легальной дефиниции представляет соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ). С таких позиций завещание предстает как адресованное одному или нескольким лицам предложение принять наследство [2].

Отдельную проблему для наследника составляет решение вопроса об отказе от наследства в части определения субъектного состава лиц, потенциально имеющих право принять отказную наследственную долю. Прежде всего, стоит отметить, что разумность и добросовестность действий наследника при отказе от наследства предполагается, и это выводит на первый план принцип свободы направленного отказа. В свое время В.И. Серебровский высказал мнение, что при направленном отказе право на принятие наследства уступается другому лицу по воле наследника, т.е. имеет место не возникновение права, а переход [5].

Адресность такого перехода в большей степени определяется волей не наследника, а законодателя, что значительным образом ограничивает отпадающего наследника в выборе лиц, в чью пользу он мог бы отказаться. Хотя буквальное толкование закона приводит к выводу: при выборе из числа

наследников по закону лиц, в пользу которых наследник отказывается от наследства, он не связан очередностью призвания их к наследству. Например, сын наследодателя, независимо от наличия других наследников первой очереди, может отказаться от наследства в пользу двоюродной правнучки наследодателя. Однако подобные действия наследника с точки зрения соблюдения прав призванных к наследованию сонаследников вряд ли соответствуют духу закона.

Неясность возникает и в отношении вариантов принятия наследства наследником, в пользу которого сделан отказ от наследства (п. 1 ст. 1158 ГК РФ). ГК РФ прямо не отвечает на вопрос, может ли такой наследник отказаться от причитающегося ему вследствие направленного отказа имущества, а принять лишь ту часть наследства, которая изначально причиталась ему лично.

Отказ от наследства представляет собой одностороннюю сделку, состоящую в совершении юридических действий, свидетельствующих о нежелании наследника получить имущество наследодателя.

Гражданский кодекс РФ не решает вопрос о том, можно ли отказаться от наследства в пользу недостойных наследников. Представляется, по общему правилу такой отказ заявлен быть не может, по крайней мере исходя из этических и моральных соображений. И кроме того, подобные действия наследника противоречили бы воле наследодателя. В то же время следует согласиться с мнением ученых, полагающих возможным отказ от наследства в пользу недостойных наследников, которые призываются к наследованию по завещанию [6].

Общая логика и законность действий отказывающихся наследников объясняется самой сутью завещания, которое как акт воли наследодателя в данном случае свидетельствует о «прощении» недостойного наследника и открывает ему право наследовать, даже вопреки формальным требованиям закона. Само завещание, составленное в пользу недостойного лица, говорит о совершенных действиях наследодателя, имеющих конклюдентный характер.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с установлением факта волеизъявления наследника относительно принятия наследства или отказа от такового.

Особенностью фактического принятия наследства является то, что действия наследника не направлены непосредственно на принятие наследства, они имеют цели, но их характер позволяет прийти к выводу о выражении в них воли наследника на приобретение наследственного имущества .

В пункте 2 ст. 1153 ГК РФ закреплена презумпция принятия наследства наследником, если он совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства. Законодатель использует презумпцию в случаях, когда из одного и того же факта можно сделать разные выводы, но для принятия окончательного решения следует определить, от какого предположения нужно отталкиваться. «Поле для презумпции присутствует там, где из того или иного факта с бесспорностью не вытекает вывод о существовании основного юридического факта» [2] .

Причем в литературе можно встретить несколько отличные, но в целом схожие мнения относительно юридических последствий действий наследника в рассматриваемой ситуации. Так, по мнению Н.И. Остапюк, пока воля наследника на принятие наследства по одному, нескольким либо всем предоставленным ему основаниям не выражена, презюмируется принятие им всего причитающегося ему наследства (по всем основаниям, по которым он призывается к наследованию), если он принял хотя бы его часть (по любому из оснований) [5]. В свою очередь Т.К. Крайнова считает, что выражение воли на принятие или отказ от наследства, причитающегося наследнику по одному из оснований наследования, и умолчание в отношении наследства, причитающегося по другим основаниям, влечет применение к последнему правил о непринятии наследств [7]. Такого же мнения придерживаются А.Г. Кравчук, В.М. Мелихов, А.Я. Рыженков, полагающие, что, если наследник принял в установленном порядке наследство по одному из оснований, по которым ему причитается наследство, но при этом не сделал определенное

заявление об отказе от наследования по другим основаниям установленным для отказа способом, он должен быть признан лицом, которое не приняло наследство по другим основаниям призвания его к наследству [6].

Следует также иметь в виду, что в завещании завещатель может указать основного наследника и на непредвиденный случай – подназначенного наследника. Тогда отказ основного наследника от наследования не будет означать для других наследников приращение их наследственной доли. Наследство автоматически перейдет к подназначенному наследнику, если будут соблюдены все условия, касающиеся этого наследника.

Как известно, положения статьи 1161 ГК РФ в рамках механизма приращения предусматривают переход доли отпавшего наследника по завещанию к наследникам по закону. На практике подобная ситуация ведет к тому, что конкретное имущество (часть имущества), которое наследодатель при жизни желал передать конкретному лицу (нескольким лицам), может поступить и к иным лицам, не охваченным волей завещателя. Как представляется, данное правило наследственного законодательства значительным образом подрывает охрану интересов завещателя и противоречит сути завещательного распоряжения. Кроме того, ущемляются интересы самого наследника. Ведь, например, если завещанная вещь является неделимым имуществом, то, чтобы оставить ее за собой, наследник по завещанию должен выплатить наследникам по закону компенсацию, соразмерную стоимости их доле в имуществе, что не всегда возможно сделать, учитывая особенности некоторых видов имущества.

Таким образом, по общему правилу принятие наследства – это выражение наследниками в определенном порядке своей воли (согласия) на принятие наследственного имущества. Отказ от части наследства по самому своему существу несет в себе безусловный смысл принятия другой части наследства.

По своему внутреннему смыслу такие действия свидетельствуют о фактическом принятии наследником причитающейся ему части наследства. В этом случае основанием для приращения является лишь отказ наследника от части наследства при наличии других необходимых для приращения условий.

Еще одной серьезной проблемой современного режима наследования являются действующие правила перераспределения наследственной массы при отпадении одного из наследников по завещанию (при отсутствии с его стороны направленного отказа), особенно в случаях, когда конкретные вещи предназначены определенным в завещании лицам.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы быть внесение в законодательство специального правила, исключающего возможность изменения завещательного распоряжения относительно наследственных прав на конкретное имущество остальных наследников, которым оно было предназначено по завещанию. Иными словами, если при наследовании конкретной вещи по завещанию в наследственные права вступает хотя бы один из наследников, которому данная вещь предназначалась, он должен ее наследовать безотносительно каких-либо притязаний иных лиц, имеющих статус наследственных правопреемников по иным основаниям наследования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. 4 августа.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. 5 декабря.
3. © Абраменков М.С. Правовой механизм принятия наследства // Нотариус. 2012. № 3.
4. Вавилин Е.В. Механизм осуществления права на принятие наследства // Наследственное право. 2015. № 1.
5. Гражданское право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2014.

6. Зайцева Т.И., Крашенинников, П.В. Наследственное право в нотариальной практике: комментарии (ГК РФ, часть третья, разд. V): Метод. рекомендации, образцы док., норматив. акты, судеб. практика: Практ. пособие. М.: Статут, 2015.

7. Кирилловых А.А. Наследственное право: учеб. пособие. М.: Книжный мир, 2015.

© Бюллетень магистранта 2016 год № 3